

Ань Энь нажал отбой, осторожно слез с кровати, накинул что-то поверх пижамы и, словно вор, прокрался к выходу из комнаты.

На первом этаже царила мертвая тишина. Мигали лампы аварийного освещения, заливая стены мертвенно-бледным светом, отчего коридор напоминал декорации к фильму ужасов. Было жутковато.

Ань Энь, не меняясь в лице и затаив дыхание, пробежал до окна, мысленно твердя:
«Материализм, материализм, материализм...»

Он распахнул окно, и в лицо ударил ночной прохладный ветер. Подоконник был не слишком высоко — примерно на уровне пояса. Ань Энь глубоко вздохнул, оперся руками и выскочил наружу.

В тот момент, когда его ноги коснулись земли, издалека донеслось приглушенное:

— Сноха! Мы тебя видим! Иди вдоль стены!

Ань Энь поспешил в условленное место, прижимаясь к стене. Сердце колотилось как сумасшедшее. Ветер задувал за шиворот, и он поежился, мысленно костеря Су Хэлэна на чем свет стоит.

Три часа ночи.

Он, приличный студент.

Будущий великий дизайнер.

Лезет через забор, чтобы встретиться с пьяницей.

Это вообще нормально?!

Ань Энь всерьез усомнился в том, куда катится его жизнь. Но, поразмыслив, он вспомнил, что в мужской общаге полно народу так делает: и Мэн Чжэнмин бегал, и старина Ван из соседней комнаты, и даже старина Ли из корпуса напротив. Он не первый и не последний.

Стало чуть легче.

Добравшись до задней стены, он увидел сквозь прутья железной ограды целую колонну байков Су Хэлэна.

Зрелище было даже внушительнее, чем во время их прошлой встречи у главных ворот. Видимо, днём они ещё старались не привлекать лишнего внимания, а ночью выехали всей толпой.

Братва у Су Хэлэна была многочисленная и разношёрстная. Ань Энь и раньше почти никого не различал и знал по именам лишь нескольких, а теперь среди них появилось ещё больше незнакомых лиц. Они что, размножаются? Где Су Хэлэн вообще находит всех этих чудиков и как умудряется собирать их вместе?

Заметив Ань Эня, Су Хэлэн тут же спрыгнул с байка и широким шагом подошел к решетке:

— Женушка!

— Не ори, — в отчаянии прошептал Ань Энь. — Как мне выбраться?!

Он только слышал о том, как лазают через заборы, но сам практиковал это впервые и чувствовал себя зеленым новобранцем.

Су Хэлэн без лишних слов просунул руки сквозь прутья, сложив ладони «лодочкой»:

— Наступай муженьку на руки и лезь.

Ань Энь задрал голову. Верхушка забора была утыкана острыми железными пиками, которые, казалось, так и ждали его задницу.

У него подкосились ноги от страха: он представил, как эти штыри проткнут его насквозь.

Конечно, его заднице суждено быть «проткнутой» рано или поздно, но явно не этой железкой.

— Женушка, не бойся.

Ань Энь стиснул зубы, ухватился за решетку и наступил одной ногой в сложенные ладони Су Хэлэна.

У Су Хэлэна была отличная опора — он лишь слегка дрогнул под весом Ань Эня, а затем подставил плечо, меняя угол:

— Вторую ногу мне на плечо ставь.

— А... — Ань Энь почувствовал, как рука Су Хэлэна качнулась, и с сомнением спросил:

— Получится?

— Женушка пушинка, проще простого.

Ань Энь просунул вторую ногу сквозь прутья, наступил на широкое плечо Су Хэлэна и мёртвой хваткой вцепился в наверхия забора.

И вот, когда он замер в крайне неловкой позе, не зная, лезть вверх или вниз, позади колонны послышались шепотки:

— Так вот как выглядит женушка Лэн-гэ...

— Почему он совсем как парень?

Ань Энь чуть не сорвался с забора.

— Женушка, не отвлекайся, перекидывай ногу.

Ань Энь приложил усилие и в итоге оседлал забор, оказавшись аккурат между двумя пиками, словно шашлык, наполовину насаженный на шампур.

Су Хэлэн убрал руки, освободил плечо и, отступив на полшага, широко раскинул руки:

— Прыгай, муженек поймает.

Юй Ци, считая себя крайне догадливым, подскочил к Су Хэлэну и встал в ту же позу:

— Сноха, прыгай смело! Если Лэн-гэ не удержит, я подхватчу!

Ань Энь: — ...

Су Хэлэн метнул на него уничтожающий взгляд:

— Мою женушку имею право трогать только я. Усек?

— Ой, виноват! — спохватился Юй Ци. — Прошу прощения за дерзость!

Юй Ци поспешно отступил на безопасное расстояние, затем оглянулся на толпу за спиной и вдруг придумал:

— Сноха не решается прыгнуть — поддержим её!

Сидевшие на байках, стоявшие рядом и сидевшие на корточках парни хором закричали:

— Сноха, давай!

— Сноха, поднажми!

— Сноха... э-э... а что ещё сказать? Жми на полную?

— Вы хоть что-нибудь поумнее сказать можете? Сноха у нас студент университета, а вы несёте какую-то пустую чушь! — Юй Ци с досадой оглядел братву, сложил ладони рупором и, собрав весь свой словарный запас, выкрикнул: — Сноха, ты охрененный!

Пока он колебался — а точнее, пока у него просто дрожали поджилки — издалека раздался громовой крик:

— Кто там?!

Луч мощного фонаря полоснул по кучке парней у стены. Страх перед охраной пересилил всё: Ань Энь зажмурился и прыгнул.

Су Хэлэн поймал его чётко и уверенно, Ань Энь целиком провалился в его объятия. Ткнувшись носом в ключицу Су Хэлэна, он уловил легкий запах алкоголя.

— Женушка, бежим!

Су Хэлэн не дал ему опомниться: поставил на ноги и потащил к своему скутеру. Усадив Ань Эня, он силой притянул его руку к своей талии:

— Держись крепче.

Скутер сорвался с места...

Вдогонку неся яростный вопль коменданта общежития, а свет фонаря бешено метался во тьме:

— Как студент элитного вуза может якшаться с такими отбросами общества?!

— Ты же себе жизнь погубишь, понимаешь?!

— Только попадись мне! Я всё расскажу твоему куратору!

Ань Энь крепко обнял Су Хэлэна за талию. Следом мчались больше десяти байков, на которых

разместилось почти тридцать человек; фары сливались в извилистую световую ленту, похожую на стаю сияющих змей, несущихся по ночной дороге неизвестно куда.

Су Хэлэн гнал на бешеной скорости. Ань Энъ прижался щекой к спине Су Хэлэна. Ветер трепал его волосы, обжигал лицо и раздувал полы пижамы.

Постепенно страх сменился странным чувством. Ань Энъ расслабился, ощущая неожиданный покой и какую-то необъяснимую свободу.

Он закрыл глаза.

Если бы в школе, когда давление было невыносимым, он хоть раз посмел вот так перемахнуть через забор и подставить лицо ветру... может, ему не было бы так больно.

Но он никогда не смел. Он был «образцовым ребенком», слишком послушным — настолько, что даже из-за болезни отпрашивался с уроков, мучаясь угрызениями совести.

Не успел Ань Энъ об этом додумать, как скутер резко ускорился. Су Хэлэн вошел в дрифт, шины истошно взвизгнули, а транспорт накренился так сильно, что, казалось, вот-вот перевернется.

Едущие сзади друзья разразились одобрителем свистом:

— Лэн-гэ, ты лучший гонщик в мире!

— Су... Су Хэлэн! — Ань Энъ с трудом разомкнул губы, борясь с ветром. Потоки воздуха забивались в рот, вызывая кашель. — Куда — мы — едем?!

— Что?!

Су Хэлэн услышал его голос и переспросил:

— Жenuшка, что ты сказал? Ветер свистит, муженек не слышит! Приедем — поговорим!

Наглотавшись холодного воздуха, Ань Энъ замолчал. Под аккомпанемент какой-то дикой безвкусной музыки, подпрыгивая на сиденье летящей со скоростью семьдесят километров в час «Девяточки», пережив несколько крутых виражей, красных светофоров и напугав до смерти редких прохожих, они наконец остановились.

Едва колеса замерли, Ань Энъ кубарем скатился с сиденья. Он отбежал на пару шагов, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Не найдя урны, он оперся о дерево и его вырвало.

Желудок был пуст, так что вышло лишь немного воды.

— Жenuшка, ты чего? — Су Хэлэн поставил байк на подножку и подошел похлопать Ань Эня по спине. — Беременный, что ли? Муженек же с тобой еще ничего такого не делал.